

A close-up, underwater photograph of a man's face through a diving mask. The man has light-colored eyes and is looking directly at the camera. The water is dark and turbulent, with many bubbles and ripples visible. The text "Илья Бушмин" is overlaid in white at the top, and "ЗОЛОТО РЕЙХА" is overlaid in white on a black background in the center.

Илья Бушмин

ЗОЛОТО РЕЙХА

Илья Бушмин

Золото рейха

«Издательские решения»

Бушмин И.

Золото рейха / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746725-8

Весной 1944 года Красная Армия перешла в наступление, стремясь полностью освободить Крым от нацистских захватчиков. Войска третьего рейха, видя, что удержать полуостров им не удастся, стремились всеми путями вывести награбленное богатство. Перед освобождением Севастополя несколько грузовиков, забитых золотыми слитками, выехали из города в неизвестном направлении... С тех пор об этих сокровищах никто не слышал. До сегодняшнего дня.

ISBN 978-5-44-746725-8

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	11
Глава первая	11
Глава вторая	22
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Золото рейха

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

Корректор Юлиана Фикс

ISBN 978-5-4474-6725-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Шторм на скалистое побережье налетел стремительно, за считанные минуты.

Волны, ревя и пенясь, налетали на холодные острые скалы. Где-то вдалеке верещали чайки – их пронзительные крики пробивались сквозь рокот волн. Ночное небо было затянуто тучами, лишь иногда где-то далеко на западе сквозь черную пелену тоскливо пробивался, чтобы снова исчезнуть, еле заметный лик луны.

Отряд пробирался по узкой извилистой прогалине вдоль груды валунов. Дул и свистел пронизывающий ветер, и все бойцы кутались в шинели и придерживали фуражки, чтобы их не сорвал порыв ветра с моря. Под сапогами тихонько похрустывали камни. Семь вооруженных человек двигались змейкой, один за другим, пригибаясь и стараясь производить как можно меньше шума, хотя благодаря шторму они почти не рисковали быть застигнутыми врасплох.

Задача была другая. Застигнуть врасплох должны были они.

Щербаков, крепко сжимая винтовку в потных от напряжения руках, следовал за Прогалиным. Серая и сутулая спина лейтенанта маячила перед глазами, указывая дорогу в этой крошечной тьме среди прибрежных скал. Вот Прогалин остановился, и за его плечом Щербаков разглядел лицо капитана.

– Прогалин, – тихо скомандовал капитан и кивнул вперед.

Лейтенант пригнулся еще ниже, скрючившись почти вдвое, и исчез впереди, за очередным серым валуном. Щербаков шагнул на его место, а сзади его подпирали остальные члены отряда – боец чувствовал их спиной.

Они были в паре десятков метров от обрыва высокой скалы, за которым бушевало море, но редкие капли морской воды долетали и до их убежища. Капитан быстро посмотрел на часы, щурясь, чтобы разглядеть стрелки на внушительном циферблате.

Часы были наградными. О командире Щербаков знал немного, но то, что знал, вселяло уверенность, что за капитаном было, как за каменной стеной. Фронтовой разведчик, дошедший до Берлина, а после разгрома фашистов еще три года выполнявший специальные поручения на Дальнем Востоке, говорить о которых было запрещено – поручения были совершенно секретными.

– Десять, – проговорил, как прорычал, командир. Он обратил волевое, обрамленное резкими морщинами, лицо к бойцам, и Щербаков невольно приподнял ствол винтовки и стиснул челюсти, чуть выдвинув нижнюю вперед – чтобы выглядеть решительнее. Чтобы, как командир.

Еле слышно – на скалы обрушилась очередная череда ревущих волн – зашуршали камешки, и Прогалин вернулся.

– Они там, – еле слышно выдохнул он, обращаясь к капитану. – Сколько, не знаю. Я увидел троих.

– Вооружены?

– Если только пистолеты. Больше ничего не видно. Товарищ капитан... у них эти, костюмы. Водолазные. И баллоны.

Капитан нахмурился, что-то обдумывая, и кивнул.

– Так, – он обратился к бойцам. Командир шептал, но его решительный голос в ушах Щербакова звенел набатом. – Никому не дрейфить. Это враги. Диверсанты. А мы бойцы НКВД. И сейчас мы здесь защищаем Родину. Всем ясно?

Капитан-фронтвик всегда говорил «НКВД», хотя сейчас их ведомство именовалось совсем иначе – министерство госбезопасности (МГБ).

Все закивали, выдавливая из себя тихое, но решительное «Так точно». Щербаков поступил, как и все остальные. А в его ушах прозвенело: «Диверсанты».

Неужели самые настоящие диверсанты? Здесь? Откуда?!

– Щербаков, Махеев, остаётесь со мной, – бросил капитан. – Прогалин, я захожу с правого фланга. Ты забирай остальных и заходи с тыла. Вам пять минут, чтобы занять позицию. Хватит?

– Так точно, товарищ капи...

– Выполнять, – перебил, как отрезал, капитан и выудил из кобуры табельный вороненый ТТ.

Прогалин кивнул троим бойцам, первым устремляясь назад. Через несколько мгновений их спины исчезли за валунами.

Щербаков представил, как сейчас волнуется мать. Два часа назад он собирался уходить со службы, но потом в отделе зазвонил телефон. Нервничавший и пыхтевший трубкой капитан ждал этого звонка. Он говорил отрывисто, резко и односложно, и понять что-либо было нельзя. После чего командир приказал всем оставаться на своих местах, никому не уходить домой, а сам исчез. Что происходило, никто не понимал. Но час назад капитан вернулся и велел всем вооружиться для ответственного спецзадания.

Если бы мать слышала это – полезла бы к Щербакову, чтобы перекрестить его. Она norовила поступить так каждое утро, когда он уходил на службу, а Щербаков каждое утро осаживал ее резким: «Мама!». Возможно, дело было в научном коммунизме, лекции по которому им читали в красном уголке и на партсобраниях. А может быть – в отце, которого мать точно так же осенила крестным знамением, когда он уходил на фронт и когда Щербаков, тогда 8-летний пацан, и его брат Вася видели родителя в последний раз.

Щербакову хотелось курить. Он покосился на Махеева. Бледный, с деланно суровым взглядом, младший лейтенант держал в руках ППШ с круглым барабаном. Точно такой же пистолет-пулемет был и в отряде Прогалина. Остальные пять бойцов были вооружены винтовками. Лейтенант Прогалин и командир – табельными пистолетами. Итого семь стволов против троих злодеев, которых капитан решительно и категорически назвал диверсантами.

Война закончилась семь лет назад – какие диверсанты могли что-то забыть здесь, на берегу, среди скал, вдали от воинских частей, секретных объектов и даже просто населенных пунктов?

Командир снова прищурился и посмотрел на часы.

– Пора, – он поднял глаза на Махеева и на него, Щербакова. – В случае сопротивления огонь на поражение. Всем ясно?

Щербаков не знал, ясно ли Махееву, но сам резко дернул головой: «Так точно». А ладони, сжимавшие винтовку, предательски похолодели.

Командир выдвинулся первым. Он крался вперед и вверх, в гору. А потом впереди показался огромный, размером с автомобиль, валун. За ним открывался склон горы на прибрежном мысе.

Щербаков двигался, стараясь не дышать от напряжения и волнения, и первым услышал их. Возня, тяжёлый стук чего-то о камни, приглушенные голоса. От изумления Щербаков замер. Это был немецкий!

– Pass auf, du idiot! – прорычал голос. – Verlier Sie nicht!

Ему вторил второй, оправдываясь:

– Schwer!

Командир обернулся на бойцов и выпалил:

– Начали!

В этот самый момент загрохотали выстрелы. Щербаков вздрогнул, инстинктивно припадая вниз. По характерному клекоту он узнал звук ППШ. Посреди очереди прогремел винтовочный выстрел, а за ним – далекий истошный крик.

Матерясь сквозь зубы, командир рванул вперед. Капитан вскинул вороненый ствол ТТ и зычно проорал, перебивая шум беснующихся и атакующих берег морских волн:

– Hände hoch! Waffe auf den Boden! Schnell!

Щербаков едва не споткнулся, выбегая следом. Выход на склон горы был узким, и Махеев задел его прикладом ППШ, вскидывая автомат. Щербаков отчаянно пытался сориентироваться.

В десятке метров от отряда, около груды камней и валунов, виднелись трое. Черные гидрокостюмы, мокрые и лоснящиеся. Двое из них громоздили на спину тяжелые рюкзаки, по цвету почти сливавшиеся с окружающим фоном. Все трое стояли, присев и замерев. С плеча одного из них слетел рюкзак и обрушился на камни, глухо, но громко стукнув.

Склон горы уходил вверх, слева обрываясь перед бушующей и черной прорвой моря, а справа теряясь за валунами и кустарником. И где-то там загрохотали винтовочные выстрелы.

– Hände hoch! – орал командир, решительно шагая вперед. Он вскинул руку вверх и пальнул в небо предупредительным выстрелом. – Ihr seid umzingelt!

В тот же миг командира отбросило назад. Порыв ветра подхватил слетевшую с головы капитана фуражку и унес в темноту. Командир рухнул. Широкими от ужаса глазами скользнув по его лицу, Щербаков увидел лишь черное влажное месиво вместо правого глаза капитана.

– Аааа! – истошно взвыл Махеев, и ППШ в его руках заурчал, выплевывая огнем.

Автоматной очередью прошло двоих в черных гидрокостюмах. Третий оказался проворнее. Скинув тяжеленный рюкзак с плеча, он прыгнул за валуны.

Щербаков вздрогнул и рванул вперед.

– На землю! – надрывая горло, закричал он, бросаясь к валунам. – Hände hoch, ich werde Schießen!

Где-то впереди, на скале, что-то коротко, но ярко моргнуло. Никакого звука при этом не было, но Щербаков понял все. Вскинул винтовку, выстрелил наугад вверх и заорал, оборачиваясь к Махееву:

– Снайпер! Там снайпер!

Махеев сползал вниз по скале, запрокинув голову набок. На его серой шинели расплывалась черная клякса. Пистолет-пулемет, стуча и подпрыгивая на камнях, катился вниз по склону – к обрыву, за которым бушевала и бурлила неистовая стихия.

Невольно вскричав, Щербаков прыгнул за ближайший камень и скрючился за ним в три погибели, укрываясь от огня со скалы. И вовремя – он услышал, как пуля щелкнула и высекла искру о кромку камня в метре от его лица.

Задыхаясь собственным лихорадочным дыханием, Щербаков передернул затвор и попытался сориентироваться. Впереди темными пятнами лежали бездыханные трупы Махеева и капитана, полы шинелей которых трепал безжалостный ветер. Но двоих диверсантов тоже нет. Третий спрятался за камнем.

А еще был снайпер.

Где-то совсем рядом начали стрелять. Невольно вжавшись спиной в камень, Щербаков выглянул. Со стороны кустарников бежал, хромая и держась левой рукой за бок, Прогагин. ТТ в его руке дергался вверх, изрыгая огонь. Он стрелял в сторону моря. В третьего диверсанта!

Щербаков выпрыгнул из-за укрытия и рванул туда же. Порыв ветра снес фуражку с его головы, но теперь все это было неважно. Впереди он заметил черный силуэт с поднятой рукой. Диверсант в черном гидрокостюме отстреливался от раненого лейтенанта и пятился назад, к обрыву.

Щербаков вскинул винтовку. Диверсант боковым зрением заметил его, но было поздно. Щербаков нажал на спусковой крючок и неистово зарычал от злорадства и ярости, когда увидел дернувшийся силуэт. Диверсант в черном рухнул на камни, перекатился через собственное плечо и затих.

Укрытие! Валун, за которым прятался враг, был совсем рядом! Шесть метров, пять метров, четыре...

Болью пронзило грудь, и Щербаков рухнул оземь. Камни пропороли лицо и, кажется, сломали нос. Грудь с левой стороны пылала огнем. Понимая, что ранен снайпером, Щербаков завалился на правый бок и пополз вперед, к спасительному валуну, суча ногами и сдирая ногти об острые камни. Кровь заливала глаза. Щербаков вытер лицо о плечо шинели. Вот оно, укрытие! Три метра, два с половиной метра...

Очередная пуля пронзила его шею с правой стороны, пропорола горло и замерла где-то в районе левой ключицы. Дышать Щербаков не мог. Его сковала горячая боль, словно кто-то заливал раскаленный металл в его гортань. В глазах взорвалась карусель. Вспомнилась мать. Как бы сейчас Щербаков хотел, чтобы она перекрестила его этим вечером...

Щербаков уронил голову на острые камни. Сквозь скачущие перед глазами пятна он увидел в нескольких метрах от себя Прогалина. Тот упал на колени, схватившись за плечо. Очередная пуля снайпера вошла ему в висок, и Прогалин рухнул на камни.

– Schlecht, – бормотал человек.

Его задачей было прикрывать группу. И сейчас он понимал, что плохо справился с поставленной задачей.

Четверку, заходящую его людям с тыла, он заметил слишком поздно. Проклятые камни и валуны. Раций у человека и его группы не было, и все, что мог сделать человек – открыть огонь. Первым делом снял солдата с винтовкой, который был самой легкой мишенью. Затем настала очередь автоматчика и третьего солдата. Офицер оказался более опытным. А потом с другой стороны появились, как снег на голову, еще трое. Человек ничего не мог сделать – он видел, как двух его соратников расстреляли из автомата прежде, чем человек успел снять цель.

– Schlecht... – продолжал бормотать человек. – Verdammt, das ist sehr schlecht...

Он быстро спускался со скалы, стараясь не упасть. Здесь шквальный штормовой ветер ощущался особенно сильно. Держа снайперскую винтовку наизготовку, человек непрестанно озирался по сторонам, пытаясь выискать возможную угрозу среди разбросанных под скалой валунов и камней. Но никого не было. Только трупы, усеивавшие весь склон.

– Beschießen, – сокрушался человек.

Все его люди – все трое – действительно были мертвы. Чертыхаясь сквозь зубы, человек оглянулся по сторонам. Два рюкзака, наполненные грузом, были здесь. Человек подхватил один из них и с трудом поднял. Нет, это исключено. Унести оба он совершенно не в состоянии.

Кто-то рядом захрипел. Человек напрягся, инстинктивно вскинув оружие. Звук раздавался совсем рядом, иначе из-за ветра и шторма человек просто ничего бы не услышал. Готовый выстрелить, он медленно обошел валун.

Хрипел солдат, которого он снял последним. Солдат уже умирал, у него не было никаких шансов, человек последним выстрелом попал ему в шею и разрушил горло, гортань и дыхательные пути, которые сейчас стремительно заполнялись хлещущей алой кровью. Солдат был совсем молоденьким, лет 20 с небольшим. Он агонизировал, суча ногами в грубых советских сапогах.

Человек мог ничего не делать. Но он все же выудил пистолет из кобуры, закрепленной на поясе, и прекратил его мучения выстрелом в затылок.

– Blöden Schweine, – покачал человек головой.

А теперь нужно было действовать, пока не поздно.

Человек выбрал рюкзак, который был полегче. От второго было необходимо избавиться. Нельзя, чтобы эти унтерменши нашли его – тогда вся миссия полетит ко всем чертям. Нельзя, чтобы они нашли ничего.

Человек оттащил второй, более тяжелый рюкзак, к краю скалы. Не без труда приподнял, чувствуя, как напрягаются все мышцы его тела. Здесь было более 80 килограммов. Кое-как размахнувшись, человек запустил его вниз.

Очередная ревущая волна, налетая на берег, проглотила рюкзак, после чего со всей мощностью напрыгнула на скалу, разбрасывая во все стороны холодные брызги. Человек выругался. Сейчас он мог молиться лишь о том, чтобы ничего из содержимого рюкзака не застряло на камнях скалы из-за чертовой волны.

Вслед за рюкзаком с обрыва полетели его люди. Точнее, то, что осталось после них. Человек подтаскивал каждого к краю скалы и сбрасывал вниз. Остальное сделает вода. Даже если тела его людей разобьются о камни, шторм смоет и внутренности, и кровь. Море сделает все, что нужно.

Человек забросил в воду и оружие своих соратников, два кислородных баллона и бухты каната, благодаря которым им удалось спуститься вниз. Свою винтовку он также бросил туда же, в море, схватив за ствол и зашвырнув, что было сил, в скачущую черноту внизу.

Время несло стремительно. Сверившись с часами, человек понял, что прошло целых 10 минут. Драгоценных 10 минут.

Человек подхватил рюкзак, с трудом натянул его на плечи. Груз был такой тяжелый, что лямки рюкзака до крови резали кожу. Чертыхаясь себе под нос, человек напоследок осмотрел поле сражения – и бросился бежать. Бежать к одному ему известной тропинке, где его ждал автомобиль с надежным человеком, который доставит его в точку эвакуации.

А потом, когда человек вернется домой и даст отчет, командиры примутся решать самое сложное. Как быть дальше.

Часть 1

Глава первая

– Вот он, тот самый акваланг, который все мы сегодня будем покорять, – торжественно объявил Ильин, дергая баллон с компенсатором за вентиль и устанавливая его стоймя. – Теперь переходим непосредственно к инструктажу. Слушаем меня внимательно, чтобы под водой проблем не возникло, хорошо?

Их было четверо. Глава семейства – безобразно толстый боров с плоской глупой физиономией. Он был настолько огромен, что заполнял собой половину пространства на тесном пятачке кокпита в кормовой части «Бланко». Рядом на продавленном сиденье банки ютились его сильно пережаренная супруга с большими и чуть испуганными глазами и восторженный сын-подросток.

– Хорошо! – с выражением неопишуемого счастья на лице отозвался сын.

Четвертой была блондинка. Ее на борт завербовал Рябко – они уже отчаливали от набережной с тремя пассажирами, когда несостоявшийся ловелас заприметил прогуливавшуюся в одиночестве симпатичную девушку и предложил ей понырять с аквалангом. Весь путь до точки Рябко вился ужом вокруг нее. Вот и сейчас он норовил встать как-нибудь поэффектнее – например, взгромоздив ногу на релинги и скрестив руки на груди. Изображал из себя заправского морского волка.

– Как видите, тут всякие разные шланги, трубочки, кнопочки, – продолжал Ильин, заглядывая клиентам в глаза и пытаясь убедиться, что его, кроме восторженного пацана, кто-то слушает. – Но вы не заморачивайтесь. Как все это работает, вам знать не обязательно. Вы сюда на самолете летели, угадал? Но вы ведь точно не знаете, как там, в этих самолетах, все устроено? Главное, что работает! Точно я говорю?

– Аллилуйя, брат, – вальяжно отозвался Рябко.

Боров решил подать голос:

– Я вообще-то летчик.

– Дима! – почему-то испуганно цыкнула на него пережаренная жена.

Ильин вздохнул и взялся за легочный автомат.

– Вот эта штука, все время должна у нас находиться справа. Мы будем называть ее регулятором...

– Дышалка, – с умным видом ввернул боров.

«Что ж тебе в небе-то не летается», – подумал Ильин, а вслух сказал:

– Вот здесь мы ее плотно обхватываем губами. Не здесь, а вот здесь. Сильно кусать не нужно, потому что потом у вас челюсть будет сильно болеть. Держите регулятор вот таким вот образом.

Ильин показал, как это делается. Все начали повторять, возясь с выданным им оборудованием. Рябко бросился к блондинке, чтобы помочь. Она старательно запихнула загубник в рот. Потом смущенно покосилась на Рябко, а тот выдал «Шикарно!» и заухмылялся.

Они были два сапога пара. Ильину захотелось швырнуть 15-килограммовый баллон в черепушку напарнику.

– Три правила дыхания, – Ильин старался, чтобы его голос звучал бодро и задорно. – Мы дышим постоянно, медленно и глубоко. Никогда не задерживаем дыхание. Это важно. Запомнили? Хорошо, поехали дальше. Слева у нас есть вот такая трубка с консолью на конце. Тут две кнопочки. Для чего они? Смотрите.

Ильин нажал подачу воздуха, и жилет компенсатора на глазах распух, как аллергик после укуса пчелы. Подросток принялся ахать от восторга. Боров фыркнул так, словно всю сознательную он жизнь занимался исключительно этим и ничем больше.

Ильин хранил спокойствие. Скоро погружение. А там будет видно, кто чего стоит на самом деле.

Он рассказал, как вести себя при погружении и как – при всплытии. Как держать руку, чтобы не пережать шланг с кислородом. Как пользоваться манометром. Рассказал все про основные жесты, принятые под водой, и что они означают. Поведал, как правильно надевать маску. Показал на себе, как избавиться от просочившейся под маску воды. В очередной раз напомнил, почему при дыхании под водой нужно практически забыть о существовании носа. Рассказал про давление и продемонстрировал, как нужно стравливать его, чтобы уши при погружении отложило.

– Сейчас мы опустимся на глубину пять метров...

– Пфф, – снова фыркнул летчик и почесал свое выдающееся пузо. – Может, с десяточку хотя бы?

– ...И как только опустимся на дно, – Ильин был сама дипломатичность, – я покажу вот так, – костяшками указательного и среднего пальцев Ильин несколько раз ткнул себя в открытую левую ладонь. – Тогда мы с вами встаем на колени и проводим пару упражнений. Это то, что должен уметь даже начинающий дайвер. Первое: вытаскиваем регулятор изо рта, а потом вставляем снова.

Пережаренная на солнце жена борова испугалась:

– Там же вода!

– Не было бы воды, это бы не называлось упражнением. Дыхание – помните? – не задерживаем, потому что мы никогда не делаем этого под водой. Медленно выдыхаем через рот. И вставляем регулятор снова. Не надо пытаться втиснуть его сквозь зажатые зубы – как девушка мудро заметила, – жена летчика при этом зарделась, – там вообще везде вода, и она все равно затечет, как ни старайся. Поэтому: подносим регулятор, спокойно открываем рот и вставляем его. А потом резко, как я уже показывал, выдыхаем остаток воздуха и тем самым прочищаем регулятор и освобождаем и его, и свой рот от воды. С этим все понятно?

Боров снисходительно покачал головой. Остальные закивали. Рябко подмигнул блондинке. Блондинка отвернулась. Ильин позлорадствовал.

– Теперь упражнение два. Прочищаем маску. И для этого мы подпустим в нее чуть-чуть воды...

Пережаренная на солнце жена борова снова ахнула:

– Там же вода!

– И опять в самую точку. Не надо сдирать маску. Мы приподнимаем ее чуть-чуть, самую малость, вот так, – Ильин продемонстрировал на себе и попросил остальных повторить. Боров закатил глаза и снизошел. Остальные просто повторили. – Итак, у нас в маске вода. Что мы делаем? Мы рукой придерживаем маску вот тут, у переносицы, чтобы она не слетела. А потом делаем обычный вдох, но выдыхаем носом. Он заполняет пространство в маске и выталкивает из нее всю воду. Как видите, это очень просто.

– Давайте уже в воду, – боров нетерпеливо почесал пузо. – Жрать уже охота, а мы еще не ныряли.

Блондинка покосилась на Рябко. Тот одарил ее взглядом мачо и подмигнул.

Воздух раскалился как следует, а солнце палило нещадно даже сквозь натянутый над кокпитом, и Ильин с огромным облегчением погрузился в воду. Проследил, как входят остальные. Боров шмякнулся, как здание во время сноса, залив брызгами половину кормы «Бланко». Последним катер покинул Рябко.

Здесь, в полусотне метров от заповедных скал, вода была кристально чистой, почти бирюзовой. Под водой ныряльщиков встретила стайка барабулек, что привело всех – кроме борова – в лютый восторг.

Постепенно стравливая давление, вся группа опустилась вниз. Они брыкали ногами, словно искали лестницу, либо «крутили велосипед», напоминая перепуганных морских коньков. Но в остальном путь до дна прошел хорошо. Рябко вился вокруг блондинки, постоянно вопросительно сигналив ей: «Все ОК?». Та отвечала, но нужды в этом не было: девушка двигалась так, что было ясно – под водой она не впервые. Глаза подростка полыхали от восторга даже сквозь маску. Пережаренная жена летчика сияла и постоянно хватала сына за руку, чтобы показать ему рыбку, камешек или ракушку. А вот боров выпучил стеклянные глаза и вообще выглядел так, словно его хорошенько ударили под дых.

Ильин первым коснулся коленями мелкой гальки дна и проследил за остальными. Все прошло на отлично. Жестами он показал, что пора переходить к упражнениям. Это было самое важное и самое волшебное. Как только четверка освоит, что бояться не стоит не только попадания воды внутрь маски, но и отсутствия постоянной подачи воздуха, жизнь наверняка заиграет для них новыми красками.

Но только не для летчика.

Он перепутал совершенно все. Вытащив изо рта регулятор, наглотался воды и запаниковал. Засовывая регулятор, наглотался еще больше и засучил лапами по дну, разбрасывая камешки в стороны и вздымая ил со дна. Лихорадочно освобождая рот от воды, что есть силы выдохнул – но через нос, отчего его маска дернулась и соскочила на лоб.

Ильин уже неся к нему и даже умудрился ухватить борова за одну из петель компенсатора, когда тот, отчаянно барахтаясь, выдувая тучи кислородных пузырей и поднимая теперь уже тучи ила со дна, нажал на кнопку подачи воздуха в компенсатор. Надулся колом и пулей рванул вверх.

– Какого черта? – заорал на него Ильин, вынырнув на поверхность и вырвав изо рта кислородный регулятор. – Вы что творите?

Летчик, широко разинув рот, хрипел, фыркал, барахтался, безостановочно тер мокрые глаза – и жадно дышал.

– Я... – хрипло выдавил он. – Я... Растерялся...

– Вы инструктаж вообще не слушали?!

Боров отплевался, отдышался, исподлобья наградил Ильина трагическим взглядом, преисполненным горькой обиды, и пробормотал:

– Я хочу домой.

– Простите?

Всю дорогу назад гости «Бланко» – семейство летчика и светловолосая девушка – уплетали шашлык, который Ильин захватил в кафе Арсена перед отплытием и сейчас разогрел в микроволновке. Боров после подводного казуса старался не встречаться взглядом с Ильиным и Рябко – ему было стыдно. Рябко же сник, потому как блондинка так ни разу за всю их почти 4-часовую вылазку не проявила к нему никакого интереса. Оба события давали повод Ильину тайно злорадствовать. Но, чтобы не мельтешить перед клиентами – все-таки именно они приносили Ильину средства к существованию – он спустился в свою, единственную на катере, каюту. И вот сейчас в двери каюты со словом «Простите?» возникла блондинка.

Она с любопытством окинула быстрым взглядом крохотное помещение. Справа спальное место и столик, заваленный всякой всячиной. Слева камбуз – электроплитка, холодильник

и миниатюрный стол для готовки. Почему-то ее глаза остановились на бутылке пива в руке Ильина. Бровь блондинки вздернулась вверх.

– Вам разве можно?

– У меня есть трезвый водитель, – Ильин кивнул наверх. – Тот тощий юнга, у которого сегодня весь день что-то с правым глазом. Тик, наверное.

Блондинка понимающе улыбнулась.

– Не угостите?

– А что, с остальными не сидится?

– Знаете, сидится. Только как-то не очень.

Ильин рассмеялся. Открыл карликовый холодильник, выудил последнюю бутылку пива и вручил девушке. Она тем временем наткнулась взглядом на картинку, приколотую к переборке над столом.

– Что это?

– Совсем ничего.

– Ооо, – блондинка понимающе улыбнулась. – Так вы из этих?

– Из кого это – из этих?

– Из тех, кто мечтает найти на дне несметные сокровища и безумно разбогатеть в один миг?

Ильин занервничал.

– С чего вы взяли?

– Да бросьте, – она кивнула на рисунок. – Я знаю, что это. Айвазовский, «Крушение «Черного принца».

Ильин терпеливо вздохнул, сдаваясь.

– Вообще-то, если быть точным, то Корабль Ее Величества «Принс». Но да, «Черный принц» тоже сойдет.

В каюту заглянул недовольный и нервный Рябко. Ильин буквально видел, как того изнутри разрывали праведный гнев в смеси с любопытством из-за блондинки.

– Саня... – Рябко хотел сказать что-то еще, но передумал, услышав последние слова Ильина. Обреченно покачал головой и исчез, проворчав: – О господи.

Блондинка ничего не понимала.

– Что это с ним?

– Врачи давно пытаются понять.

– Принс», – повторила она. – Этот корабль ведь где-то здесь затонул? Неподалеку? Вы же знаете что-то об этом, да?

Знает ли он... «Черный принц» был единственной причиной, по которой пять лет назад Ильин обосновался в этой части полуострова. И по которой в течение этих лет исследовал и изучил едва ли не всю Балаклавскую бухту.

Блондинка была права. Он был «из этих» до мозга костей.

– Трехмачтовое парусно-винтовое судно «Принс» было куплено британским адмиралтейством в 1854 году во время Крымской войны, – отозвался Ильин. – Это был очень крупный корабль водоизмещением в две тысячи семьсот тонн и размером с три футбольных поля. И очень быстроходный по тем временам, скорость могла достигать 14 узлов. В том же году корабль принял на борт 150 человек экипажа и большое количество груза для расквартированных на полуострове британских войск. А еще, как говорят, денежное жалование для солдат. Около 200 тысяч фунтов стерлингов золотом. Двести тысяч золотом! Целое состояние даже в наши времена, что уж говорить про XIX век. Известно, что судно пыталось встать на якорную стоянку на глубине 55 метров, это было недалеко отсюда. Как раз там его и застал мощный шторм. Корабль бросило на скалы и разломило на части. С тех пор идут поиски «Принса». Его

искали весь XX век. Снаряжали целые экспедиции. Но все, что нашли – жалкие обломки... – помолчав, Ильин хмыкнул. – Да, может быть, вы правы. Я «из этих».

Блондинка загадочно улыбалась. Ильин уже начал было гадать, как заполнить возникающую неловкую паузу, как в каюту заглянула унылая физиономия Рябко. Он замычал, едва не плюя желчью:

– Пардон, вот прям пардон, что отвлекаю, я понимаю, у вас тут интересные разговоры по душам и все такое... Но мы тут типа к бухте подходим.

На берегу блондинка сразу же испарилась. Ильин даже не заметил, как она исчезла, и запоздало вспомнил, что почему-то ни разу – даже при ее появлении на борту и перед инструктажем – не спросил ее имени.

Попрощавшись с семейством, Ильин собрал в кучу заработанные за сегодняшний день деньги. Сразу отсчитал долю Арсена за шашлык, долю Рябко, сунул в плавки купюры на карманные расходы. Остальное – в банк. Пока Ильин распределял наличные, Рябко непрерывно буравил его унылым взглядом. Наконец Ильин не выдержал.

– Ну что?

– Ты ж видел, я на нее глаз положил.

– На кого?

– На блондиночку.

– Господи, Дэн... – Это видели все. Этот твой глаз, который ты на нее положил, моргал так часто, что я на секунду испугался, что тебя парализовало, или инсульт хватил, или там еще чего. Блондинка наверняка тоже испугалась. Да так сильно, что драпанула в каюту. А каюта здесь одна, – Ильин развел руками. – Вот если бы кто-то полноценно участвовал в общем бизнесе и вкинул денег, чтобы мы могли купить лодку побольше и с двумя каютами, тогда...

– Иди к Арсену, – промычал Рябко и демонстративно поплелся проверять швартовку.

Извивающаяся вытянутой вверх буквой S бухта была окружена горами, и вечер опускался на городок внезапно и стремительно. Когда Ильин по разбитой и изжаренной на солнце набережной отправился в кафе добрался до заведения Арсена, казалось, что уже поздний вечер.

Арсен, как всегда, был сама дружелюбность. В награду за скрутку мятых купюр Ильин получил бутылку пива и пристроился в углу барной стойки, созерцая вечернюю бухту. Там и тут – на стоящих у причалов и набережной лодках, катерах и яхтах, в домах, кафешках и ресторанчиках – загорались огоньки, которые создавали искрящиеся дорожки на воде. Земля медленно остывала после дневного зноя, а с заключенной в скалы бухты тянул легкий освежающий бриз.

– Саня, – прорычал Арсен, оторвав его от размышлений о своем, бренном, – тут вот человек кладами интересуется.

Ильин сделал глоток, вздохнул и пожал плечами:

– Все кладами интересуются. Куда не плюнь.

Арсен играл бровями и стрелял глазками, и Ильин сподобился посмотреть на объект его внимания. У противоположного конца стойки на высоком стуле восседал с кружкой пива в руках человек. Самый обычный, лет 40. Худой, с жидкими волосами и несчастным видом. Человек тоже смущенно и чуть нервно покосился на Ильина, и увиденное его не обрадовало. Подтянутый, с рифлеными благодаря постоянному плаванью Ильин в цветастых шортах, с голым загорелым торсом, был полной противоположностью человека.

– Вы понырять хотите или что? – кашлянул Ильин.

– Нет-нет, – замотал человек головой. – Я так, просто спросил у вашего приятеля что-то... Забудьте.

Ильин пожал плечами и забыл. Но ненадолго. Спустя одну кружку пива человечек сам подсел к нему.

– Простите, я хотел... Ну, это...

– Полностью согласен, – подбодрил его Ильин.

– Понимаете, – человечек задумчиво поковырял в ухе. – Я в фирме одной работал... Она разорилась сейчас. Ну, закрылась. Я сюда приехал, потому что тут вакансии вроде была... А ее уже и нет совсем. Представляете.

– Кошмар.

– Смееетесь?

– А похоже?

Человечек прищурился и успокоился, поняв, что совсем не похоже.

– Вы знаете что-нибудь про золото? – прошептал он.

– Дайте подумаю, – Ильин с сожалением покосился на свою стремительно пустеющую бутылку. – Металл такой. Не ржавеет, благодаря чему нашими предками ценился больше остальных. Относится к драгоценным. Стоит дорого. Государства накапливают его в хранилищах, а женщины любят надевать на пальцы и втыкать в уши. Да, про золото я кое-что слышал.

– Нет, не вообще про золото, – человечек зашептал еще тише: – Про золото нацистов. Ну, фашистов. Ну, немцев. Понимаете?

– Не совсем.

Человечек нервно запыхтел. Только сейчас Ильин сообразил, что человечек был уже изрядно навеселе.

– Мой отец лет сорок назад нашел кое-что, – решился подвыпивший незнакомец. Он поозирался по сторонам и продолжил с видом заговорщика, его язык заметно заплетался: – На берегу моря. Прямо на берегу, представляете?

– Так бывает.

– Волной выбросило, наверное... Так вот, знаете, что это было? – человечек для значимости сверкнул глазами: – Кусок золота. Слиток. А на нем надписи по-немецки. И этот, как его, орел. Который свастику фашистскую в лапах держал.

Ильин неопределенно хмыкнул, изучая человечка. Пока не было понятно, то ли он просто напился и решил почесать языком, то ли он был психом, которые на южном побережье Крыма встречались в разгар сезона особенно часто, то ли в его словах действительно что-то было.

– Слиток, – повторил Ильин. – Орел. Свастика.

– Ага-ага!

– Интересно.

– А по голосу, так как будто не очень, – оскорбился человечек.

Назойливость незнакомца начинала действовать на нервы.

– Может, и не очень, – согласился Ильин. – Знаете, я тут каждый месяц от кого-то слышу, что они нашли то золото «Черного принца», то византийскую посудину с серебром, то еще что-нибудь... Мы сейчас на побережье, в море вдоль которого затонувших кораблей с сокровищами наткнано почти столько же, сколько в Карибском бассейне, что вы хотите. И я, кстати, ни разу не слышал про человека, который нашел бы слиток нацистского золота. А такой человек был бы здесь сейчас настоящей звездой.

Человечек засучил кулачками:

– В этом и дело! Сорок лет назад отец нашел его. Сорок! Знаете, что тогда было?

– У меня с математикой так себе.

– Советское время! Нашел – сдай государству и получишь комиссионные. Сдал килограмм золота, получишь с гулькин хрен, простите. Нечестно же!

– Жизнь суровая штука.

– Отец и не стал никому говорить! Спрятал. А потом перестройка, развал Союза, гласность, капитализм и все такое... Отец слиток тогда и продал. Переплавил и продал по частям. И заработал знаете сколько? Дом купил! Большой.

Ильин хотел еще пива, но не собирался тратить. В магазине по пути к набережной, где среди других лодок покоилась «Бланко», выпивку можно было приобрести почти вдвое дешевле. Этим Ильин сейчас и собирался заняться.

– Послушайте, так что вы хотите-то, не пойму?

– Это золото нацистов! – зашептал человечек. – Я знаю, где отец его нашел, тот слиток! Если как следует поискать, а вдруг там еще есть? А вдруг они его там, ну, знаете, зарыли? В землю? Или тайник какой-нибудь сделали? Или прямо у берега оно в воде спокойно валяется все эти годы и ждет, когда его достанут? Там может быть целое состояние! А я тут без денег и без работы сижу и еле концы с концами свожу...

– Погодите. Вы предлагаете какое-то партнерство или что?

– Ага-ага, наверное. Наверное, партнерство. Не знаю, как это еще назвать. Если у вас есть опыт в таких делах, мы могли бы, ну, скооперироваться, и... Понимаете?

Ильин пораскинул мозгами. Процент 90 гарантии, что за пьяным лепетом человечка не скрывалось ничего толкового. Через такое Ильин проходил уже сто раз.

Но почему бы не выслушать человека? А вдруг...

– Хорошо. Можно обсудить. Расскажите поподробнее.

Человечек обрадовался. Но тут же вспомнил, где находится, принялся подозрительно озираться по сторонам, после чего зашептал:

– Давайте, не сейчас. Лучше на свежую голову. Я комнатку снял в гостинице одной...

– Вы не местный, – сообразил Ильин. – А откуда?

– Завтра подходите, хорошо? Где-нибудь ближе к обеду. И тогда все обсудим. Я расскажу все, а вы скажете, есть шансы или нет. Гостиница «Волна», знаете такую?

Ильин знал.

– Допустим, я подойду. Где мне вас искать? Как вас зовут-то?

– Василий, можно просто... Василий, – забавно отозвался человечек и снова, как шпион из пародийного фильма, подозрительно покосился по сторонам. – В общем, жду вас завтра. Только это, не говорите никому. А то знаете... Последние пару дней мне кажется, что за мной кто-то... Ладно, неважно. До завтра, ага?

Ильин кивнул. После чего Василий поспешно распрощался и, рассчитавшись с Арсеном мятыми бумажками, неровной походкой удалился.

Возвращаясь по ночной набережной к своей покачивающейся на воде лодке, Ильин думал о человечке и о его коротком рассказе про загадочного отца.

Полуостров всегда является своеобразным форпостом в Черном море. Даже в древней геополитике, или как оно тогда называлось, Крым был ключевым местом в регионе, о чем свидетельствуют хотя бы развалины крепости на входе в Балаклавскую бухту. Прошедший век исключением не стал. В годы Великой Отечественной здесь проходили батальные сражения – как на суше, так и на море.

А вдруг за словами Василия действительно что-то кроется?

Но ничего, что натолкнуло бы Ильина на историю с золотом нацистов, он вспомнить не мог. В памяти всплыла лишь пара историй. Первая – теплоход «Ленин», затонувший в 1941-м. Но, во-первых, место гибели судна известно давным-давно. Во-вторых, никакими нацистами и уж тем более нацистским золотом на борту даже не пахло – подорвавшийся на мине корабль эвакуировал из Одессы беженцев, которые везли с собой нажитое добро. Вторая история – знаменитое немецкое судно «Лэрис». Оно в предпоследний год войны эвакуировало с захваченных территорий в Рейх награбленное нацистами добро – экспонаты и раритеты из крымских

музеев. Во время бомбежки корабль был затоплен вместе с сокровищами. Но где именно – до сих пор не знал никто.

Ничего больше Ильин вспомнить не мог. Поэтому выбросил все из головы.

Ильин купил в магазине еще несколько бутылок пива – для себя и для Рябко, чтобы утешить его страждущую после провала с блондинкой душу – и вернулся на «Бланко».

Рябко был не в духе и скоро отчалил, оставив напарника одного. Ильин натянул тент на корме и заперся в каюте, засев за бумаги при тусклом свете настольной лампы.

Здесь было все, что он сумел собрать за последние годы относительно британского «Черного принца».

На полуостров Ильин перебрался пять лет назад после ссоры с бизнес-партнером, с которым они содержали дайвинг-клуб в Подмоскowie. Здесь нашел отличное судно – катер «Бланко» отбегал всего 300 моточасов и был в идеальном состоянии – и, не думая, сразу выкупил его. И первым же делом приобрел гидроакустическую систему, магнитометр и два новеньких подводных металлоискателя.

На катер и технику ушли все накопленные в «хлебные» времена деньги. Остальное оборудование пришлось брать уже в долг. А оборудования было немало. Чтобы зарабатывать на туристах, были необходимы комплекты для морской рыбалки и снаряжение для дайвинга.

На жилье денег не было в принципе, но Ильина это не смущало. Большую часть года он жил прямо здесь, на лодке, в крохотной, но ставшей уже родной каюте. Покидал ее лишь зимой, на время перебираясь к Рябко в лачугу. А по весне снова спускал «Бланко» на воду.

На дне Черного моря покоятся минимум 2,5 тысячи затонувших кораблей. Причем это только те, что официально стоят на государственном учете. Сколько неизвестных кораблей затаились в морской пучине, одному богу было известно. Ясно только одно – их было огромное количество! Даже сейчас раз в пару лет обязательно всплывает очередная сенсация – счастливицы-дайверы или одна из многочисленных экспедиций находит покоящееся на дне моря судно с артефактами на борту.

Ильин верил, что один из этих как минимум 2,5 тысяч кораблей – ждет его.

В конце концов, некоторые суда ждали своего звездного часа десятки лет! Один эсминец «Лейтенант Зацаренный», который нашли спустя практически столетие, чего стоит?

Но идеей-фикс для него стал «Черный принц». Ильин сам не понимал, почему так получилось. За последние годы он изучил абсолютно все, что имелось в литературе, музеях и, разумеется, интернете об этом корабле. Иногда он забрасывал все в дальний ящик, убеждая себя, что затея бесполезна. Но затем мысли сами возвращались к загадочному кораблю. А вдруг обломки, найденные в 2010-м, принадлежат какому-то другому судну? А если это «Черный принц», то где, черт побери, все остальное? Где сундуки с золотом, которые везли для расквартированных здесь британских солдат? И против своей воли Ильин вновь загорался – и снова садился за стол, обкладывая себя книгами, копиями музейных документов и прочим «богатством». И снова принимался изучать и искать.

Ильин сам не заметил, как его сморил сон. Очевидно, уже в полусне – впрочем, как обычно – он погасил свет и забрался на спальное место своей крохотной каюты. Где и проспал ровно до 9 утра, когда ему на лицо вдруг выплеснули кружку ледяной воды.

– Колотить меня тапком! – проорал Ильин, вскакивая и больно ударяясь лбом о верхнюю переборку.

Он ожидал увидеть Рябко или какого-нибудь придурка-шутника с набережной, но перед ним с издевательской ухмылкой стояли Сева и Марат.

– Поднимай задницу, мучачо, – провозгласил Сева. – У Якоря базар к тебе есть.

- У меня все записано, – вальяжно повторил Якорь.
- Даже не сомневаюсь. Честно.
- Ты должен мне кучу бабла.
- Я помню, Якорь. И я все верну.
- Когда?

Его звали Евгений Фролов. Кличку Якорь он придумал себе сам – это одновременно и связано с морем, и солидно звучит. Ведь якорь – это что-то тяжелое, массивное, металлическое и одновременно острое, не правда ли?

Когда-то здесь его величали просто Жека. До тех пор, пока в 90-е он не ударился в рэкет. Отсидев свое, попытался стать депутатом. Когда не вышло, решил заняться бизнесом. Вышло кое-как. Сейчас он был владельцем крохотного коктейль-бара «Малибу» на окраине города. Место было выбрано паршивое, само заведение было еще более паршивым, и сюда просто никто не ходил. Но для Якоря «Малибу» был лишь фасадом. Якорь приторговывал оружием – осторожно, чтобы не попасться – и промышлял скупкой краденого. Ему несли свое добро те немногочисленные гопники и воришки, которые ошивались в курортный сезон на набережной, рынках и кафешках вокруг бухты. А еще Якорь был ростовщиком: служба микрокредитования и коллекторская контора в одном флаконе.

Именно у Якоря в свое время Ильин позаимствовал определенную сумму на снаряжение для лодки, которое должно было принести ему баснословные богатства за счет туристов. Но богатств не было. Заработанных в сезон денег едва хватало, чтобы влачить очень скудное, почти аскетическое существование до сезона следующего.

Деньги выдавал сам Якорь, под нехилый процент. Долги выбивали двое его подручных, которых Ильин и Рябко величали Чуком и Геком. Сева – тощий прощелыга, прикрывавший свои жидкие плешивые волосенки кокетливой шляпкой. Марат – типичная горилла, здоровенная и тупая. Сейчас они стояли здесь же, в пустынном «Малибу», за спиной Ильина. А Якорь восседал у стойки, обливаясь потом, но не снимая свой дорогой пиджак, который был призван подчеркнуть его статус.

– Даже не знаю, что сказать, – признался Ильин. – Как только, так сразу. Я же не убегу, в самом деле. Я здесь, все время перед твоим носом.

Якорь отмахнулся.

– Сева, сколько бабла он мне должен?

Сева назвал сумму. Сумма была не заоблачной, но и не маленькой.

– Якорь, я все верну, – повторил Ильин. – Ты сам видишь, клиентов сейчас не очень много. Половину перебила школа дайверов, которая открылась около Айи. А на одних прогулках много не срубишь. Лодка у меня не самая большая, вмещается только восемь...

Якорь презрительно скривился.

– Послушай сюда. Нет, я тебе говорю – послушай сюда.

– Да я слушаю. Внимательно.

– Это мой город, – заявил Якорь. Ильин мог бы поспорить, но не стал. – Я здесь знаю всех. Все знают меня. Я в курсе всего, что тут творится. Шаришь, к чему я?

– Эхм... Не совсем, честно говоря.

– Крест, – бросил он.

– Чего-чего?

– Долбанный крест, – повысил Якорь голос. – Ты думал, я не узнаю? Ты нашел на дне с этой своей плешивой подружкой старинный золотой крест. И загнал его местному лошаре-перекупщику анти... антиква... короче, перекупщику старины. А должен был принести мне, потому что, твою мать, ты должен мне туеву хучу бабла.

– Не такую уж и туеву, – попытался протестовать Ильин, но, встретив взгляд Якоря, благодарно заткнулся.

– А я тебя предупреждал, чтобы ты со мной не играл. Я тебя предупреждал? Сева, я его предупреждал?

Сева послушно заверил, что еще как предупреждал.

– Только все было не так, – не сдавался Ильин. – Крест был не старинным. Совсем не старинным. И не золотым, а серебряным. Уж серебро от золота я отличу! И его нашел не совсем я, это был Рябко. Поэтому мне после продажи досталась только половина. Я хотел отнести деньги тебе, хотел сразу, честно! Но на лодке...

– Не хочу ничего слушать, – прорычал Якорь, вытирая пот со лба. – Врубите уже этот чертов кондиционер, вашу мать! Слушай, ты, карась... – при этом эпитете, адресованном Ильину, Сева угодливо захихикал. Но, увидев, что его никто не поддерживает, кашлянул и осекся. – Мне все это надоело. Понял меня? Я тебя много раз предупреждал. Поэтому. Сейчас мои люди идут с тобой на лодку. И забирают все снаряжение, которое ты купил на мои бабки.

Для Ильина это было самым страшным сном.

– Якорь, погоди, я за половину уже рассчитался!

– А мне плевать. Веришь, нет? Считай это процентами. И компенсацией за то, что ты за моей спиной толкаешь находки этим лохам-анти... короче, скупщикам.

– Погоди-погоди, но как я буду зарабатывать?! Дайвинг это самая ходовая...

– А вот на это мне плевать, – Якорь развел руками, демонстрируя пятна пота подмышками, и сухо осклабился. – Я толкну все твоё снаряжение по дешевке и верну свои деньги. А ты можешь взять кредит. Или продать лодку. Или повеситься. Мне все равно. Эй, вы, – показывая, что разговор окончен, Якорь махнул подручным: – Возьмите тачку и привезите сюда с лодки все эти водолазные шмотки. И да, выкиньте это волосатое чмо из моего заведения.

Ильин вырывался, когда к нему шагнул Сева. У Марата разговор был более коротким. Короткий удар в солнечное сплетение – и Ильин согнулся пополам. Пока он глотал воздух, пытаясь снова научить свое тело дышать, его выволокли из дверей и швырнули прямо на пыльную дорогу.

Ильину ничего не оставалось, как стряхнуть с кожи пыль и поковылять вниз, к набережной.

Мимо протарахтела знакомая машина. Марат и Сева обогнали Ильина, даже не глянув в его сторону. Они ехали за его, черт побери, снаряжением.

В кармане оставалось кое-что со вчерашнего дня. Поэтому по пути к бухте Ильин купил в первом же ларьке бутылку минералки – солнце уже пекло вовсю, а у Ильина с утра капли во рту не было.

Чертов Рябко. Говорил же ему Ильин – нужно везти крест в Севастополь, а не отдавать первому же попавшемуся местному антиквару.

Бредя по пыльной дороге, босой, в одних плавках, Ильин пытался сообразить, как быть дальше. На пластиковой карте денег было совсем мало, а ведь это был неприкосновенный запас – чтобы было, на что прожить зимой.

Бредя по пыльной улочке, Ильин добрался до асфальта. Налево – к набережной, направо – в город. Улица шла в гору и вела, мимо частных домов, гостевых домов и крохотных гостиниц, в центр.

И тут Ильин вспомнил про вчерашнего человечка из кафешки Арсена. Кажется, его звали Василий. Золото нацистов. Слиток с орлом и свастикой.

Ильин вздохнул, но, поскольку делать все равно было нечего, он свернул направо и зашагал к гостинице «Волна».

Это было трехэтажное здание, располагавшееся напротив импровизированного базарчика и переделанного под кафе-шашлычную частного дома. С фасадной стороны виднелась вывеска и росли пара кипарисов. А вот во дворе были камни и колдобины.

И странное пятно в десяти метрах от дверей.

Кондиционера в крохотном фойе гостиницы не было, а может – был, но не работал, зато старательно гудел напольный кондиционер. С наслаждением подставив тело под струи прохладного воздуха, Ильин улыбнулся полной девушке-администратору.

– Здравствуйте. У вас тут один парень живет. Он меня ждет, мы с ним договаривались встретиться. Его зовут Василий.

Девушка-администратор скорбно покачала головой.

– Какая жалость.

– Честно говоря, мне тоже, но договор – дело святое, правда? В каком он номере?

– Нет, вы не понимаете, – девушка снова покачала головой. Конский хвост на ее затылке печально задергался. – Тут такое... Настоящий кошмар. Он погиб сегодня утром. Выпал из окна своего номера и разбился насмерть.

Лицо Ильина застыло. Он на секунду забыл даже о собственных проблемах с Якорем и снаряжением, которое он больше не увидит. Странное пятно перед входом в гостиницу. Ильин даже боялся подумать, что это было. А еще вспомнилось лицо Василия, когда он вчера, сидя в кафе Арсена, подозрительно и тревожно косился по сторонам. И эти его слова. Как он сказал? «Последние пару дней мне кажется, что за мной кто-то...».

И что-то подсказало Ильину, что шутки закончились.

Глава вторая

Ильин сидел в тени кипариса во дворе гостиницы «Волна». Периодически угрюмо косился на пятно перед входом, которое пять минут назад девушка-администратор присыпала песком, догадавшись, что жутковатые ошметки и разводы крови не способствуют гармоничному приморскому отдыху постояльцев. Допивал минералку. И пытался сообразить, как поступить теперь.

Разузнать у девушки-администратора не вышло ровным счетом ничего. Ни подробностей о личности самого Василия, кем бы он ни был. Ни деталей утреннего ЧП. Ни даже информации, из какого именно места на полуострове прибыл их постоялец. В ответ на все вопросы девушка-администратор лишь печально трясла своим конским хвостом и бормотала что-то вроде «Мне жаль».

Ильину тоже было жаль. И Василия, и самого себя.

Он уже собрался мужественно подняться и вернуться на солнцепек, чтобы отправиться на набережную бухты, как его окликнул звонкий и восторженный голос:

– Ой, здрасте!

Покосившись на звук, Ильин увидел знакомые лица. Восторженную физиономию пацана-подростка. Пережаренную на солнце женщину с чуть испуганным взглядом. И борова, который нес в руках два пляжных полотенца и пакет со всякой всячиной. Типичная картина. Семейство, возвращающееся с пляжа.

– Привет, – удивился Ильин. – А вы что тут делаете?

– Мы тут остановились, в «Волне», – зашебетала женщина, пока Ильин в знак приличия жал руку борову-авиатору и их сыну. – Я даже подумала, вы к нам... Вы не к нам?

– Теперь даже и не знаю, к кому.

– Ой, а вы знаете, чего тут случилось! – глаза пережаренной матери семейства стали еще более испуганными и круглыми. – У нас сегодня один жилец вывалился. Прямо из окна. Головой на камни. Насмерть сразу! Жуть какая, правда?

Как интересно.

– Да что вы говорите, – Ильин принял скорбную физиономию и даже поцокал языком. – Кошмар. Сегодня, говорите?

– Утром. Рано утром. То есть вообще рано, мы спали еще. Встали, смотрим – а за окном полиция, «скорая»... И этот мужик. Как его там звали, Сереж?

Боров отозвался:

– Вася его звали.

– Вася, – согласился Ильин. Значит, они с летчиком были знакомы. Просто отлично. – А вы с ним общались? Сочувствую. Он ваш друг? Мне так жаль.

– Да не друг, – боров почесал живот, едва не выронив полотенца. – Он жил в соседнем номере. Позавчера вроде въехал. Мы с ним вечером пивка чуть-чуть хряпнули. За жизнь немного потрещали. Ну, как это обычно бывает.

– А он не говорил, фамилия его как? – осведомился Ильин и тут же пояснил, чтобы не вызвать лишних подозрений: – Вдруг мы знакомы. Я много Васей знаю. У нас их тут, как в Бразилии – Педро. И не сосчитать.

Боров ничего не заподозрил. Напряг черепушку и через пару секунд выдал:

– Гаркалин, кажется. Только он не местный. Зачем местному в гостинице жить?

– И в самом деле, зачем, – поддакнул Ильин, поощряя борова продолжать рассказ.

– Он из Калифейки. Это вроде город такой.

– Никогда не слышал. Интересно. Выпал из окна, значит? Здесь вроде невысоко. Как он так умудрился, насмерть-то? Три этажа всего.

Пережаренная и испуганная супруга борова переглянулась с мужем и заговорщически шепнула Ильину:

– Это если сам. А если ему помогли, то и трех этажей хватит.

– Маша! – осуждающе забасил летчик. Но Ильин умел найти подход к таким, как она. Изобразил глаза жадного до сплетен человека, поддакивал, трижды произнес слово «кошмар» и вообще, всячески поощрял женщину к продолжению. И это, что само по себе забавно, работало.

– Я на рассвете проснулась от шума у соседей, – шептала она. – Как будто дрался кто-то. Или ругался. Или и ругался, и дрался. Возня, в общем. И громкая такая, что я проснулась аж. Только потом опять уснула. А через час или два встаем, и на тебе – за окном «скорая» и полиция. Представляете!

Вчерашние слова Василия теперь звучали еще более тревожно, тревожнее некуда. «Последние пару дней мне кажется, что за мной кто-то...».

– Надо же, – пробормотал Ильин. Он уже собрался было задать еще пару наводящих вопросов, но боров не выдержал. Подтолкнул сына к дверям гостиницы и забурчал жене, и сам выдвигаясь вперед:

– Ну все, пошли мыться, а то уже жрать пора. Пока помоемся, пока кто-то причешется... Жрать хочу.

Насколько Ильин мог разбираться в людях, летчик был из тех, кому всегда нужно было жрать. И в его комплекции это недвусмысленно угадывалось.

Василий Гаркалин. Калифейка. Это уже было кое-что.

Ильин распрощался с семейством и побрел по раскаленному от полуденного зноя асфальту к набережной. Весь путь он провел в тревожных раздумьях.

Ситуация вырисовывалась нехорошая. Некто Василий покидает родной городок и приезжает сюда, в один из самых популярных среди туристов местечек. Вроде бы – поискать работу. Вместе с тем он искал еще и человека, который заинтересовался бы его историей про золото нацистов. Человека, который мог бы помочь ему разыскать это золото.

При этом Василий постоянно озирался и ляпнул про свое странное чувство – будто за ним следят. События сегодняшнего утра показали, что ничего странного в его чувстве не было. За ним могли следить на самом деле. И наверняка следили.

Но – кто?

Например, кто-то из тех, кому он мог ляпнуть про золото. Прокрутив в голове знакомые лица, Ильин не смог назвать ни одного человека из местных, кто так легко расправился бы с человеком. Даже Якорь, строивший из себя криминального авторитета, вел размеренный приморский образ жизни и был способен разве что отобрать удочки и акваланги у дайвера – как поступил сегодня – но не убить.

Ситуация вырисовывалась действительно нехорошая. Но чем больше Ильин о ней думал, тем больше понимал одно. Рассказ про золото – не просто сплетня.

Когда он добрался, наконец, до набережной, то увидел рекламный щит перед «Бланко». Эту жестянку они с Рябко заказали еще три года назад. На ночь убирали с глаз долой, а утром выставляли снова, надеясь, что реклама привлечет клиентов. Она и привлекала, но не так часто, как хотелось бы – конкуренция в бухте была немаленькой. Выцветшие желтые буквы на голубом фоне взывали: «Морские прогулки на яхте. Дайвинг: снаряжение, обучение, погружение с инструктором. Низкие цены!».

Сейчас этот стенд вызывал лишь уныние. Ильин поднял его, сложил вдвое и, громыхая, затащил на катер. Где встретил Рябко, чья физиономия на звук показалась из каюты.

– Саня, ты вчера много выпил, когда я ушел? – выпучив глаза, спросил тот.

– А что?

– Ты в курсе, что у нас все снаряжение куда-то пропало?

– Заметил, да? – мрачно отозвался Ильин, поднимаясь на мостик и взгромождая рекламный щит у переборки.

– Кто-то его спер! – объявил Рябко. – Все наше снаряжение сперла какая-то скотина!

– Даже не сомневаюсь.

– Ты уже вызвал ментов?

Ильин протиснулся между Рябко и переборкой в дверь каюты и щелкнул кнопку вентилятора. Вытащил ноутбук из ящика стола и осмотрелся в поисках сим-карты для мобильного интернета.

– Где моя флэшка с инетом?

– Санек, надо вызвать ментов! – Рябко пылал праведным гневом. – Все снаряжение, все! Даже ласты нашли! Какая тварь могла это сделать?

– А ты догадайся, – разозлился Ильин, озираясь по сторонам. – Ты не видел мою флэшку с интернетом?

– Чего?

– Флэшку, твою мать. С интернетом.

– Нет. Я про «догадайся».

Ильин вздохнул. С Рябко было непросто.

– Сам подумай.

– На что ты намекаешь?

– Я тебе говорил, что надо было ехать в город и там толкать крест. Но кому-то было лень задницу поднять. «Якорь ничего не узнает, я уже так делал»... А теперь у нас нет ни одной скубы.

– Якорь, – осенило Рябко.

– Ты гений. Где моя долбанная флэшка?

Рябко, размышляя над причастностью Якоря к пропаже имущества с катера, выудил из кармана шорт флэшку с сим-картой мобильного интернета и протянул Ильину. Тот сурово на него взглянул:

– И какого черта она у тебя делает?

Рябко не отреагировал.

– Знаешь, что я думаю... Надо было крест не здесь продавать. Поехать в город и там толкнуть... – Рябко заметил тяжелый взгляд, которым его буравил Ильин, и недоуменно спросил: – Что? Чего ты так на меня смотришь, будто это я в чем-то виноват?

Вместо ответа Ильин зарядил щелбан ему в лоб и вытолкал из каюты.

А затем открыл ноутбук и окунулся во всемирную сеть в поисках хоть какой-нибудь информации о золоте нацистов. Ильин искал хоть что-то, от чего можно было отталкиваться.

И, что самое удивительное, – кажется, нашел.

Сева и Марат сидели на ступеньках пустующего коктейль-бара «Малибу» и тянули пиво из запотевших, только из холодильника, бутылок. Изнутри доносилась латиноамериканская музыка. Это было даже забавно. «Малибу», Черное море и музыка Южной Америки. Для полного превращения в винегрет не хватало разве что интерьера с бумерангами и рисунками кенгуру и коал.

При виде Ильина Сева и Марат оторопели. Переглянулись. Сева неуверенно хмыкнул:

– Че приперся? Решил нам и лодку свою подогнать?

– Знаешь, Сева, – отозвался Ильин, – По-моему, слово «Нам» здесь вообще не в тему. Якорю – да, но не вам. Ты, например, вообще не при делах.

Сева озадачился, пытаясь понять, что это значит. Маратобычился:

– Чего надо?

– Поговорить с Якорем. Это важно.

– Да? И на кой оно ему?

– Я могу найти кого-нибудь еще. Но если Якорь узнает, что из-за вас он упустил шанс заработать кучу бабла, я вам не завидую, парни.

Марат и Сева снова переглянулись. После чего один остался караулить Ильина и заодно допивать пиво, а второй поплелся к Якорю.

Несколько часов Ильин рыскал в интернете, в том числе на специализированных форумах, где были выложены малоизвестные исторические факты и где отирались дайверы и сухопутные охотники за золотом.

Второй мировой вообще Ильин никогда особо не интересовался. А учитывая, что на полуостров он перебрался лишь пять лет назад, не удивительно, что о разворачивавшихся здесь в те времена событиях Ильин имел достаточно скудное представление.

Войска третьего рейха пытались захватить Севастополь уйму времени. Началось все в первый же день войны, 22 июня 1941 года, когда город подвергся бомбежке немецкой авиации. Германская армия пыталась минировать с воздуха все бухты, таким образом блокировав Черноморский флот. План сорвался. Но армия противника все-таки высадилась в Крыму, а вскоре началась длительная осада города, которая продолжалась целых 250 дней. Советская армия оставила Севастополь только 9 июля 1942 года – лишь тогда, когда все возможности продолжать оборону были исчерпаны.

Но уже в начале 1944 года войска Украинского фронта начали штурм немецких укреплений и предприняли мощное наступление на захваченный город. Все закончилось 9 мая 44-го, ровно за год до Победы – именно в этот день от остатков расквартированных в Севастополе немецких войск была очищена последняя точка, мыс Херсонес.

У нацистов были большие планы на Крым вообще и Севастополь в частности, который был и продолжает оставаться ключевой точкой полуострова. Например, нацисты даже планировали переименовать Севастополь в Теодорихсхафен.

Рыская во всемирной паутине в поисках нужных ему сведений, Ильин наткнулся на парочку уже известных ему историй.

Первая – пароход «Ленин». Тот самый, который эвакуировал гражданское население из окруженной Одессы в июле 1941 года. Считается, что корабль также нес на своем борту активы Национального одесского банка. В источниках упоминается о «тоннах цветных металлов в слитках». Но здесь было несколько моментов. Во-первых – место, где покоится подорвавшееся на mine судно, известно всем, и оно не имеет никакого отношения к городку Калифейка. Во-вторых – Василий говорил о нацистской символике на слитке. Значит, «Ленин» однозначно не подходил.

Вторая история – «Лэрис», подорванный советской авиацией. Корабль вывозило из Севастополя в Румынию ценности, награбленные фашистами не только в Крыму, но в Ростовской области и Ставропольском крае. Считается, что «Лэрис» перевозил в своих трюмах музейные экспонаты, от раритетов и золотых артефактов с раскопок до старинной керамики, а также церковная утварь, картины из разоренных галерей и многое другое. Никакого упоминания о золоте, опять-таки. Но это не означает, что золота на «Лэрисе» не было.

В пользу «Лэриса» говорил и тот факт, что советские ученые неоднократно делали запросы в институты военной истории Германии, пытаясь уточнить, что им известно о грузе «Лэриса» и о его возможном местонахождении. Немецкая сторона хранила молчание.

Ильин сверился с картой. Нашел городок Калифейка – он, оказывается, располагался между Севастополем и Евпаторией. Странно, что никогда раньше Ильин не слышал про это местечко и уж тем более не бывал здесь.

Имелась и третья история. В отличие от «Ленина» и «Лэриса», эта информация никогда раньше Ильину не попадалась. Да и сейчас он нашел 3—4 строки, не больше. Но эта скупая информация давала огромный простор воображению.

– Денис! – возбужденно окликнул Ильин напарника.

Тот – как всегда, с унылой физиономией – заглянул в каюту.

– Jawohl?

– Смотри, что я нашел! Здесь подборка фактов об освобождении Севастополя, – Ильин принялся водить курсором мышки и читать вслух: – «Известно также, что в апреле 1944 года несколько грузовиков, предназначенных для транспортировки богатств вермахта, выехали из Севастополя. Пунктом назначения автоколонны было секретное место назначения. Исследователи уверены, что автомобили перевозили золото...».

Они переглянулись, но Рябко лишь скептически пожал плечами.

– И что? Это иголка в стоге сена.

И вот сейчас Ильин стоял в пустующем коктейль-баре «Малибу» напротив потеющего Якоря в пиджаке и рассказывал, шурша захваченными с «Бланко» бумагами:

– «...Есть версия, – читал он, – что таинственный груз бойцы вермахта так и не успели вывезти с полуострова, так как практически сразу Красная Армия начала мощное наступление. А уже через неделю Севастополь уже был освобожден от фашистов. Значит, золото все еще может находиться в Крыму».

Якорь пожал плечами.

– И что? Это же это, как его... иголка в стоге сена.

Ильин удивленно уставился на Якоря.

– Вы сговорились все, что ли?

– Чего?

– Забудь. Якорь, ты сам посуди! Информации мало, но она есть: удирая из Севастополя, фашисты вывозили все добро, которое успели наgrabить. В том числе и золото. И тут написано, что оно вроде как все еще может быть здесь, в Крыму. Сорок лет назад мужик в Калифейке находит слиток золота, на котором изображена птица. Черный орел, держащий в лапах круглый дубовый венок со свастикой в центре. Знаешь, что это?

Якорь нетерпеливо вздохнул:

– И что же это?

– Как ты можешь так говорить! Это Партийный орел. Символ нацистской партии, их главная эмблема. Вот, смотри. Это он.

Ильин вручил Якорю бумажку, распечатанную на принтере в магазинчике в квартале от «Малибу». Снимок золотого слитка с символикой вермахта, который он нашел в интернете.

– Мужик нашел вот это, один в один. Понимаешь? Это слиток. Килограмм золота высшей пробы – вот она, указана. Знаешь, сколько стоит один такой слиток?

Для проформы Ильин назвал приблизительную сумму, которую вычислил сам, найдя в интернете стоимость одного грамма золота в настоящий момент и затем воспользовавшись калькулятором.

Сумма выходила солидная. Якорь заерзал на стуле, заметно заинтересовавшись.

– Так. Ну, круто звучит, базара нет.

– А я тебе о чем говорю?!

– Только прошло... Сколько там с войны прошло лет? – Якорь задумался, но математика, если это не касалось денег, была его слабой стороной. – Короче, много лет. А у тебя там в бумажках написано про каких-то исследователей. То есть что? Золото это искали, правильно? И не такие неудачники, как ты, а серьезные парни с оборудованием, все дела. И не нашли. С чего ты взял, что у тебя получится?

– Потому что никто не знал направление. Куда выехала колонна с золотом, было неизвестно. Да что говорить, это даже до сих пор неизвестно! А у меня есть жирный плюс. Тот мужик из Калифейки. Мы знаем городок, где нашли слиток. И пока это знаем только мы. Это крутой и серьезный шанс, Якорь!

Тот вытер пот со лба. Протянул руку и нетерпеливо подергал пальцами. Ильин послушно вручил ему все имевшиеся бумаги. Якорь хмурился и что-то бормотал себе под нос, листая их. Изредка капля пота стекала с его лба и падала на бумаги. В такие моменты Ильин мысленно матерился.

– Допустим. Допустим-допустим...

– А я о чем говорю? Давай допустим!

– И что ты хочешь от меня?

– Как это что? Я предлагаю сделку. Мы плывем в Калифейку и делаем все, чтобы найти золото. Поговорим с людьми, с родней этого Василия. Постараемся узнать, где его отец нашел слиток. А когда у нас будет точное место, мы выдвигаемся туда и просто ищем. Здесь нужно оборудование, но оно у нас есть.

Якорь прищурился.

– Ты хотел сказать, у МЕНЯ есть? То самое оборудование, которое было твое, а теперь оно мое?

– В этом и сделка. От нас с Дэном – работа. От тебя – оборудование. Эхолот-самописец и магнитометр у меня есть. Чтобы упаковаться полностью, мне нужны назад акваланги и глубинные металлоискатели...

– Хм, – сказал Якорь.

– ...А еще кое-что дополнительно. – Ильин неуверенно положил перед Якорем бумажку. – Я тут все написал. Запасные баллоны, подводная камера с передатчиком... Ну и кое-что по мелочи.

– Хм.

– Я знаю, где все это достать по дешевке. Мне просто нужно немного денег, и я сам все куплю.

– Ты прикалываешься?

– Чего?

– Ты, говорю, издеваешься надо мной? – зло прищурился Якорь. – Только утром я забрал у тебя все твои причиндалы в счет долга. А уже после обеда ты прибегаешь ко мне и выдаешь какую-то сплетню, под которую я должен не только отдать тебе все назад, но еще и бабло свое потратить? Ты, мать твою за ногу, издеваешься?

Ильин протяжно выдохнул.

– Якорь. Золото там есть. Если бы там ничего не было, знаешь, что было бы тогда?

– Ну и что?

– А ничего. Этот мужик был бы жив. Но вчера он ляпнул мне про золото, а сегодня он умер. Соседи слышали крики. Скорее всего, его убили. Но если вся эта история – фуфло и не стоит выеденного яйца, вопрос – зачем его убивать-то? Ради чего?

– И ради чего же?

– Ради золота, ясен пень! – Ильин обличающе ткнул пальцем в фото золотого слитка с партийным орлом рейха. – Потому что на кону огромные бабки. Такие, которые тебе даже не снились. Ты только представь!

Ильин шагнул к Якорю, продолжая говорить. А говорить он умел. Глаза загорелись, и Ильин буквально гипнотизировал потного человека в костюме – точно так же, как пять лет назад он загипнотизировал историей про «Черного принца» Дениса Рябко, благодаря чему тот и стал его напарником.

– Якорь, мы можем найти это золото. У нас может ничего не получиться – да, признаю. Но пока есть такой шанс – неужели ты можешь пройти мимо? Только представь, как когда-нибудь, через много-много лет, в какой-нибудь газете или по телевизору ты увидишь человека, который нашел это золото и в один миг стал миллиардером. Представь! Что ты будешь чувствовать? Неужели ты не будешь кусать локти от того, что это не ты на его месте? Неужели ты не будешь ненавидеть себя, что лишился этого богатства по собственной глупости? Что ты мог получить все это, но просто не захотел? Что когда-то, когда к тебе пришли с этой идеей, ты отмахнулся, плюнул и забыл?

Якорь поморгал, стряхивая наваждение. Еще раз посмотрел на фотографию золотого слитка. И выругался.

– Твою мать, ладно. Убедил. Но у меня условие. Половина всего, что ты найдешь – моя. Согласен?

– Якорь, было бы честно, если бы это была не половина, а, скажем, процентов эдак десять или хотя бы двадцать...

– Половина, – отрезал тот. – Или половина, или вали отсюда нахрен. По рукам?

По набережной, мимо уныло покачивавшегося на воде катера «Бланко» и целого ряда других катеров, лодок и яхт, шли толпы туристов. В плавках и купальниках, шортах и парео, очках и шляпках, с фотокамерами, бутылками и мороженым. Они галдели, глазели по сторонам, задирали головы, тыкали пальцами, фотографировали, смеялись и снова галдели. Некоторые из отдыхающих искали лодку, на которой можно было бы совершить морскую прогулку по живописным местам южного побережья полуострова.

Рябко жевал бутерброд, печальным коршуном восседая на кормовом релинге, и чувствовал себя лишним на этом празднике жизни.

До тех пор, пока на набережную, короткими гудками разгоняя прохожих, не выскочил серый открытый автомобильчик.

Рябко выронил бутерброд на палубу и пробормотал:

– Твою мать, как ему удалось?

Это была машина Якоря, на которой его верные подручные мотались по городку, выполняя поручения своего хозяина. Сейчас тарахтевший автомобиль был загружен баллонами, компенсаторами, коробками и прочим снаряжением. А на месте пассажира в полный рост стоял сияющий в 32 зуба Ильин, который еще издавна заорал:

– Собирайся! Мы отплываем!

Глава третья

Рассекая водорезом лазурную и искрящуюся на ярком солнце водную гладь, «Бланко» скользила на север. Они оставили позади Севастополь с его огромными портами – гражданским и военным – и снующими по воде кораблями, лодками, яхтами, катамаранами, а также рыскающими в небе дельтапланами, самолетами и прочими неизменными атрибутами морского города. Сейчас катер несея вдоль берега. Горные склоны, холмы и редкие скалы, перемежавшиеся с низинами и пляжами, вздымались почти в полукилометре от скачущего по воде белоснежного суденышка.

За штурвалом развалился Рябко, взгромоздив загорелые волосатые ноги в сланцах на переборку около панели приборов, потягивая воду и лишь изредка поглядывая на бортовой компьютер с навигатором.

Большую часть пути Ильин провел на корме, изучая на ноутбуке все, что успел найти и сохранить на жесткий диск перед отплытием. Материала было много. В первую очередь – материала исторического, касающегося отступления немцев в 44-м. Ильин чувствовал, что отталкиваться нужно именно от этого. В первую очередь – потому, что единственное найденное в сети упоминание о золоте называло датой отправления колонны с драгоценным грузом именно апрель 1944 года.

Ильин внимательно прочел все то, что касалось освобождения Крыма в предпоследний год войны. В начале апреля Красная Армия освободила Армянск. К 10 апреля прорвали оборону нацистов на Перекопском перешейке, после чего пустили танковые части на Джанкой. А уже на следующий день войска при поддержке авиации и Черноморского флота отбили у немцев город Керчь. Затем наступил черед Феодосии, Симферополя, Евпатории и Саки. После – Судака и Алушты. Наступление развивалось стремительно, и уже 16 апреля Красная Армия вышла к Севастополю.

Ильин постоянно сверялся с картой полуострова, чтобы ничего не упустить.

Солнце клонилось к закату, неумолимо приближаясь к мокрой линии горизонта. Яркие лучи заходящего светила играли на морской глади. Развалившись на диванчике под тентом, Ильин уже во второй раз пролистывал имевшиеся файлы, пытаясь собрать все воедино.

Но информации было мало. Катастрофически мало.

Сложив ноутбук и забросив его в каюту, Ильин шагнул на мостик.

– Знаешь, что я думаю?

Рябко вздрогнул и пролил на себя воду.

– Твою же мать!

– Я думаю, – не слушая его, продолжал Ильин, – что мы движемся в правильном направлении.

– Нельзя так подкрадываться к людям и пугать их.

– Вот смотри. Там сказано, что та колонна с золотом вышла из Севастополя примерно за неделю до того, как наши освободили город. Правильно?

– Я тоже как-нибудь подкрадусь. Будешь знать.

– Я сейчас по датам посмотрел. Если примерно за неделю, значит, эта колонна вышла из города где-то в промежуток между пятым и десятым числом. Пункт назначения неизвестен. Якобы секретное место. Вот то, что у нас есть.

– Буду к тебе подкрадываться и внезапно орать на ухо, чтоб ты подскакивал.

– Да соберись ты! – разозлился Ильин. Рябко вздохнул и молча снова взгромоздил ноги на панель. – На чем я остановился? А, да, промежуток между пятого и десятого апреля. От этих дат мы отталкиваемся. А дальше смотрим, как развивались события на фронте. Наши сначала

взяли Армянск на перешейке, потом пошли к центральной части Крыма и освободили Джанкой.

– И зачем ты мне сейчас учебник истории рассказываешь?

– К тому времени немцы уже могли предположить, что будет жарко, – не обращая внимания на брюзжание напарника, продолжал Ильин. – Я читал, что они не собирались сдавать полуостров, хотели стоять до конца. Но подстраховывались и музейные экспонаты, золото и все остальное ценное – все-таки вывезли.

– У учителей сейчас зарплата хорошая, – почему-то ляпнул Рябко. – У учителей истории в том числе. А летом вообще отдыхают. По мне, так самое то для тебя.

– Да послушай же ты меня! Итак, грузовики с золотом ушли, когда наши уже прорвались в Крым. У немцев была неплохая разведка, и они не могли не знать, что перед Севастополем наши собирают силы для зачистки восточной части полуострова. К востоку от Севастополя уже было жарко – там стоял наш Черноморский флот, который с моря поддерживал наступление. Вопрос: куда могли направиться грузовики с золотом?

– Ну и куда?

– Только на север, вот куда. – Ильин ткнул пальцем в монитор бортового компьютера, где пульсирующей точкой моргала приближающаяся Калифейка. – Куда-то между Евпаторией и Севастополем. Больше некуда.

– А почему не в Евпаторию? Там порт и...

– Вот именно, потому что там порт. Как только наши зачистили центр и восток полуострова, они бросили все силы сюда. Евпаторию освободили раньше Севастополя. Эти города – ключевые точки на побережье. А вот городки и деревушки между ними – нет. Куда-то сюда они и везли золото.

Рябко скептически покачал головой и промолчал.

Впереди из воды вырастал широкий мыс, выдающийся в море шершавым и скалистым покатым пузом. Мыс величали – так говорилось на картах и в навигаторе – красивым словом Кафиреус.

– Красиво, – протянул Рябко.

Жестами согнав его с насиженного места, Ильин уселся за штурвал и чуть сбавил скорость. Лодка пошла влево, огибая мыс широкой дугой. Вскоре из-за шершавого пуза Кафиреуса показались острые скалы другого мыса – он назывался Айос. Почти отвесный, плоский на вершине, поросший деревцами, Айос выдавался вперед на добрые полсотни метров.

А между этими двумя мысами-стражами, как между двумя клешнями исполинского краба, ютилась крохотная набережная. От нее в гору уходила крутая, под 45 градусов, разбитая дорожка, а наверху виднелись домишки и здания крохотного городка.

– Калифейка, – объявил Ильин. – Мы на месте.

На набережной виднелись лишь пять-шесть построек – это были гостиницы и гостевые дома. На первых этажах кафе и ресторанчики, стилизованные под таверны, выше – номера или жилые комнаты внаем. Вдоль набережной тянулась узкая полоса песчаного пляжа, утыканного зонтиками. Даже сейчас, несмотря на время, на пляже отдыхали люди.

Справа от песчаной полосы, сразу за Кафиреусом, виднелись два деревянных, тощих и кривых, причала, обрамленные с обеих сторон импровизированными кранцами – черными автомобильными покрышками. На причале виднелись несколько рыбаков и группы слоняющихся без дела подростков.

Пока Ильин занимался швартовкой, Рябко спрыгнул на причал и отправился на разведку на набережную. Вернулся он через десять минут с неутешительной информацией – ни одного магазина, даже самого захудалого, поблизости не было. За любыми покупками, начиная хлебом и заканчивая фонариками, нужно было подниматься вверх, в городок.

Чем они и занялись, натянув футболки и заперев лодку.

Калифейка была крохотным населенным пунктом в три тянувшиеся параллельно линии моря улицы и дюжину прорезавших их переулков. Пластиковые павильоны перемежались с памятниками советской эпохи и руинами древних, греко-византийских времен, построек. По ярко освещенным улицам, на которые стремительно опускалась ночь, толпились туристы.

– Мне здесь нравится! – обрадовался Рябко, когда они зашли в первый же попавшийся продуктовый магазин. – Смотри, вино разливное почем. Почти в два раза дешевле, чем у нас! Охренеть просто. Санек, давай бизнес замути?

– Опять ты за свое?

– Покупать винище здесь задешево, вести к нам и продавать по нашим ценам. Золотое дно, твою налево!

– И кто будет его покупать, если ты собрался продавать его за ту же цену, за которую продают и остальные?

Рябко задумался, отчего-то опечалился и чертыхнулся:

– Надо продумать это дело.

Они купили еды на пару дней и несколько литров местного разливного вина, чтобы коротать вечера на лодке. А затем неспешно двинулись назад. Хотелось есть, и Ильин с любопытством рассматривал вывески и рекламные объявления с фотографиями блюд на местных кафешках, тавернах и ресторанах, венчавших главную улицу.

Так он и заметил ее.

– Просто офонареть, – восторженно выдохнул Ильин. – Смотри!

Это был обычный ресторанчик с летней верандой, на которой умещались всего шесть столиков. Заведение было буквально пропитано морем. Столики и скамьи выглядели, как мебель в каютах старинных парусников, на стенах висели декоративные под корабельные окна-иллюминаторы и канаты, завязанные в самые различные – от простых до сложнейших – морские узлы. Довершали картину фотографии в рамках, на которых были изображены старинные пароходы и парусники. По другую сторону веранды виднелось море и даже угадывались очертания полосы причала с белым пятном замеревшего на воде «Бланко».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.